

Э. Р. Сукиасян

РГБ

Можно ли измерять научные результаты в статьях и знаках? (Комментарии к статье Т. В. Захарчук)

Автор анализирует, почему в библиотечно-информационной сфере результаты научной деятельности измеряются не реальным вкладом в науку, а количественными показателями (числом публикаций и их суммарным объёмом); почему статьи по своему содержанию могут быть далёкими от науки, но если они опубликованы, а главное – взятые на учёт РИНЦем, этого достаточно. Отмечено, что у нас нет системы оценки реальных научных достижений, практически невозможно опубликовать статью в зарубежном издании; не совсем ясно, какие виды разработок относятся к научной деятельности.

Ключевые слова: научные публикации, количественные показатели оценки научной деятельности.

Eduard Sukiasyan

Russian State Library, Moscow, Russia

Could we measure science outcome in papers and printed symbols? (Commenting on Tatyana Zakharchuk's article)

The author analyzes why science outcomes in the library and information sector is assessed through quantitative factors (number of publications and their total volume) rather than by the actual contribution to the science; why in some cases it is enough for some publications to be published and, which is most importantly, be included into the Russian Science Citation Index though they are far from being scientific. The author argues that we lack assessment tools to evaluate achievements in science, and it's almost impossible to publish a paper in foreign periodicals; the criteria to classify a work as a scientific or research paper are lacking, too.

Keywords: scientific publications, quantitative evaluation of scientific activities.

Every year I publish two or three dozen articles. Not all my publication activity is connected with scientific activity. I write and publish no more than four or five serious articles per year. Now I want an article on the National Classification System of Russia, to appear in a serious foreign publication. Suddenly comes the pro-

posal to publish material. Two months I was waiting for the results of the evaluation of the article, and received several reviews. The colleague-reviewer first asked what a difference between Russia and the Russian Federation. Another question from the reviewer: who, where, when, on what grounds did he establish that the LBC is the National Classification System of Russia? I answer: this happened on June 20, 1994 in Copenhagen. The reviewer asked: why did you name only your works in the list of sources. The second colleague asks why the same system is called "LBC", then "BBK". The colleague-reviewer wrote to me: your system is not used anywhere, there are no translations. You can confine yourself to a brief reference about it. Translations are in Bulgarian, German, Slovak, Vietnamese. LBC is the youngest of the universal systems. That's why it's worth studying. As for the level of reflection of the development of science and society, our system far surpasses systems of the same class. For me this is an axiom, but the reviewer wrote: refer to the source, give the link. It is very difficult to earn the trust of our foreign colleagues. Our librarians, bibliographers should have opportunities to cooperate with foreign colleagues. In order not to end on a sad note, I will say: I continue to work on an article about LBC for a foreign publication. I take into account the comments of reviewers. So far I've been talking about number of publications. But there is another indicator, - the number of the author's sheets. The "volume indicator" contradicts the calculations "in publications". Recently it became clear that the development of classification tables is not scientific activity. There is no such item on the list, which is approved "at the top". And if not, then this work is not considered scientific. They advise me: write articles, and develop LBC in your free time.

Сначала статья Т. В. Захарчук вызвала у меня некоторое беспокойство. Каждый год я публикую по два-три десятка статей. Означает ли это, что я имею достаточное количество связей, «пристраивая» свои статьи в различные журналы (в первую очередь рецензируемые)? Связи, конечно, есть – в журнале «Научные и технические библиотеки» я член редколлегии. Но, вчитавшись в текст статьи Т. В. Захарчук, я понял: ко мне это замечание не относится, потому что далеко не вся моя «публикационная активность» связана с научной деятельностью. Однажды (это было в 2004 г.) А. В. Соколов отметил, что я занимаюсь «библиотечной публицистикой». И он ведь прав: я пишу и публикую в год не более четырёх-пяти серьёзных статей, которые можно отнести к научным. Но для РИНЦа это не важно – там в «категориях» статей никто не разбирается. Главное – публикация, какая бы она ни была.

Мою статью об информатике в журнале «Научно-техническая информация. Сер. 1» (№ 4 и № 10 2016 г.) прочитали редакторы десятков журналов и сборников. Письма «сборников статей» по указанному мной адресу

пошли потоком: «Поторопитесь, у нас заканчивается приём статей. Мы можем вам донести ваши идеи...» «Помощь» стоила от 450 до 2800 р. за публикацию. Знают ли об этом в РИНЦе? Конечно, знают. Представьте, как выросло количество издаваемых «межведомственных политематических» сборников статей. И всем им нужны индексы УДК и ББК – так записано в требованиях РИНЦа. Статьи, опубликованной в подобном сборнике, классификационные индексы не помогут. Её вообще мало кто увидит, кроме авторов (если они заплатят за бумажную версию).

А мне нужно, чтобы статья, посвящённая ББК – Национальной классификационной системе России, появилась в серьёзном зарубежном издании. Пригодились бы «связи», но их нет. Неожиданно приходит предложение опубликовать материал. Обрадованный, готовлю его, долго перевожу, отправляю. Сразу же отвечают: получили, высылаем рецензентам. Понимаю: в науке без независимого, объективного, подлинно научного рецензирования нельзя.

Два месяца я ждал результатов оценки статьи и получил несколько рецензий.

Как объяснить нашим руководителям, особенно чиновникам в сфере культуры, что мы занимаемся не математикой, не биологией, а библиотечным делом, которое так или иначе связано с идеологией?

Коллега-рецензент сначала спрашивал, какая разница между Россией и Российской Федерацией, Россией и СССР, почему я использую разные названия. Если бы я объяснял это в статье, то на ББК в ней не хватило бы места... Представьте, как трудно объяснить европейцу, что такое, к примеру, деидеологизация.

Ещё один вопрос рецензента: кто, где, когда, на каком основании установил, что ББК – Национальная классификационная система России? Могу ответить: это произошло 20 июня 1994 г. в Копенгагене, решение об этом можно найти в протоколах Научного консультативного совета ИСКО. А кто мне ответит на аналогичный вопрос о национальных системах США: Десятичной классификации М. Дьюи (ДКД) и Классификации Библиотеки Конгресса США (КБК)? Мы искали ответ вместе с американцами. Пришли к выводу: так случилось «по очевидности».

Рецензент спрашивал: почему вы назвали в списке источников только свои работы? Сообщил, что о ББК писали многие, назвал некоторых авторов, например аспиранта из Кубы, защитившего диссертацию в Ленинграде почти четыре десятилетия назад. Автор ещё одной статьи не смог разобратся в хитросплетениях классификационной истории в нашей стране: история ББК начинается с Таблиц Главполитпросвета (1921), а в качестве «буквенных» приводятся индексы 1МИ, 3К и другие, не имеющие к ББК никакого отношения. И на эти работы я должен ссылаться?

Второй коллега задаёт вопрос, почему одна и та же система называется то «ЛВС», то «ВБК». Действительно, почему? Хотел бы это спросить у тех специалистов, которые перенесли в отечественную практику немецкое название (*Bibliothekarisch-bibliographische Klassifikation*). Но в мои планы не входил анализ теории и практики транслитерации и транскрипции. Я хотел рассказать о нашей ББК.

Коллега-рецензент написал мне: ваша система нигде не применяется, нет переводов, в учебниках о ней ничего не сказано. Можно ограничиться краткой справкой о ней. Неправды здесь много. Переводы есть (на болгарский, немецкий, словацкий, вьетнамский языки). Могу привести в пример некоторые системы, которые нигде не применяются, но о них пишут, их изучают и переводят. ББК – самая молодая из универсальных систем, созданная на основе глубокого изучения мировой классификационной теории и практики. Уже поэтому её стоит изучать.

По такому важному критерию, как уровень отражения развития науки и общества, ББК, безусловно, намного обгоняет другие системы подобного класса. Для меня это аксиома, но рецензент написал: сошлитесь на источник, дайте ссылку. И Государственная премия СССР (1981) в области науки для него не аргумент. Если о чём-то не знаете, так разберитесь, изучите, сравните – вы учёные. Мы же изучаем ситуацию в мире, пишем статьи о ваших странах. И сегодня являемся единственной страной, имеющей полные переводы не только УДК и ДКД, но и Классификации двоеточием (КД).

Рецензент не согласился со мной: почему ББК самая молодая? А BSO? Кто-нибудь помнит, что такое *Broad System of Ordering*? Я несколько раз хотел написать об этом статью, но понял: нет смысла. Годы жизни BSO – 1975–2000. Наш Государственный рубрикатор НТИ сильнее и лучше. Полные таблицы BSO занимают меньше 80 страниц. ГР НТИ, безусловно, новее и интереснее.

Очень трудно заслужить доверие наших зарубежных коллег. Надо ездить на их съезды и конференции, выступать с докладами, спорить и доказывать «глаза в глаза», убеждать. У нас пока таких возможностей нет. Мне удавалось на протяжении ряда лет участвовать в конференциях ИСКО и выступать с докладами, но пришлось отказаться от поездок по одной причине: нет денег. Очевидно: чтобы появлялись публикации наших библиотекарей, библиографов в иностранных изданиях, у них должны быть возможности сотрудничать с зарубежными коллегами. Такие же, как у математиков, химиков, биологов, медиков, представителей социальных наук.

В 1990 г. я побывал в Университете Ратгерса (штат Нью-Джерси, США), слушал лекцию известного американского профессора о предметизации. Я попросил слова и рассказал, что в нашей стране уже не говорят

«узкая» и «широкая» предметные рубрики, применяют термины «адекватная» и «обобщающая». «Узкий» и «широкий» у нас – предметные комплексы, эти термины введены выдающимся теоретиком предметизации Софьей Константиновной Виленской (1918–2000). Профессор всё записал, сфотографировал представленный мною на доске пример, обещал рассказать об этом коллегам. Прошло 27 лет... В Америке ничего не изменилось – про комплексы там не знают. Ждут, наверное, что это явление «откроет» свой, американский, автор, чтобы присвоить этой концепции его имя! Что интересно: мы переведём и смолчим.

До сих пор я говорил о публикациях. Они должны быть в рецензируемых изданиях. Но есть и другой показатель, измеряемый в знаках, – объём в авторских листах. Хорошо, если статья «потянула» на 2,5 авторских листа. Не каждый журнал столько напечатает. Я, к примеру, таких статей вообще писать не умею. Да и не вижу в этом необходимости: я же пишу, чтобы статью прочитали! Известно, что хорошо воспринимается статья объёмом до половины авторского листа (это 20 тыс. знаков). Научные работы выходят в виде монографий, публикуются в сборниках статей.

«Объёмный показатель» противоречит подсчётам «в публикациях». Это необходимо понять. Иногда над статьёй работаешь долго, а результат – 0,27 авторского листа.

Интересно, а как у математиков с объёмами? Как им удалось добиться, что публикации оценивают по вкладу, по смыслу, по значению, а не поштучно и по листу, как у нас.

Недавно выяснилось, что разработка таблиц классификации – это не научная деятельность. Нет такого пункта в перечне, который утверждён «наверху». А раз нет, значит и работа эта не считается научной. Мне советуют: пишите статьи, а ББК разрабатывайте в свободное от научной работы время.

Чтобы не заканчивать на грустной ноте, скажу: я продолжаю работать над статьёй о ББК для зарубежного издания. Учитываю замечания рецензентов, даю подробные пояснения. Кстати, в этой статье всего 9 тыс. знаков, 0,225 авторского листа. Не статья, а письмо в редакцию...

*Eduard Sukiasyan, Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Sector Head of the Chief Editorial Board of Library Bibliographical Classification (BBK Research Center), Russian State Library;
sukiasyaner@rsl.ru
3/5, Vozdvizhenka st., 119019 Moscow, Russia*